

Е. П. Блаватская

ЕСТЬ ЛИ ДУША У ЖИВОТНЫХ?

I

Постоянно насыщаемая кровью, вся земля — это всего лишь огромный алтарь, на котором *должно приноситься в жертву*, беспрестанно и бесконечно, *все, что живет...*

— *Граф Жозеф де Местр*,
«*Петербургские вечера...*», I-II, 35, 1821.

Много есть «устарелых религиозных предрассудков» Востока, которые западные народы часто и неразумно осмеивают; но ни над чем не смеялись столь много и ничто не подвергалось такому полному пренебрежению, как уважение восточных народов к жизни животных. Любители *мяса* не могут симпатизировать тем, кто абсолютно отказывается от него. Мы, европейцы, представляем собой нацию цивилизованных варваров, и между нами и нашими предками, жившими в пещерах, которые высасывали кровь и костный мозг из невареных костей, лежит всего лишь несколько тысячелетий. Таким образом, вполне естественно, что те, кто столь мало ценит человеческую жизнь во время частых и несправедливых войн, не обращают никакого внимания на смертельную агонию животных и на ежедневное принесение в жертву миллионов невинных безобидных жизней; ибо мы слишком большие эпикурейцы, чтобы поглощать жаркое из тигров или крокодиловые котлеты, но желаем есть нежных ягнят и фазанов с золотыми перьями. Все это — единственное, чего следует ожидать в нашу эру крупновских пушек и научных вивисекторов. И совсем неудивительно, что дерзкий европеец будет смеяться над мягким индусом, который содрогается при одной только мысли об убийстве коровы, или же откажется симпатизировать буддисту или джайну, которые уважают жизнь любого чувствующего существа, от слона до комара.

Но если мясная пища становится жизненной необходимостью — «довод тиранов!» — среди западных народов; если в каждом большом городе, пригороде и деревне цивилизованного мира ежедневно должно погибать множество жертв в храмах, посвященных тому божеству, которое отрицал св. Павел и которому поклоняются люди, «чьим Богом является их желудок», — если всего этого и многого другого нельзя избежать в наш «век Железа», то кто же будет настаивать на том же «оправдании» в случае спортивной охоты? Рыбная ловля и охота — наиболее привлекательные «удовольствия» цивилизованной жизни — конечно являются наиболее предосудительными с точки зрения оккультной философии, и наиболее греховными в глазах последователей тех религиозных систем, которые имеют прямое отношение к эзотерической доктрине, то есть индуизма и буддизма. Есть ли *какое-либо* основание у приверженцев этих двух старейших в мире религий рассматривать представителей животного мира — от огромного четвероногого до бесконечно малого насекомого — как своих «младших братьев», сколь смехотворной ни казалась бы эта идея европейцу? Этот вопрос и будет подробно рассмотрен далее.

Сколь бы преувеличенным ни казалось это мнение, тем не менее ясно, что лишь немногие из нас способны без содрогания вообразить те сцены, которые каждое утро происходят на бесчисленных бойнях так называемого цивилизованного мира, или даже те сцены, которые ежедневно разыгрываются во время «охотничьего сезона». Первый солнечный луч еще не пробудил спящую природу, когда со всех сторон света приготавливаются мириады гекатомб, чтобы приветствовать восходящее светило. Никогда языческий Молох не радовался таким крикам агонии своих жертв, как жалостные вопли, которые во всех христианских странах звучат каждый день с утра до вечера, подобно долговому гимну страдающей природы. В древней Спарте — чьи суровые граждане вряд ли были чувствительны к деликатным проявлениям человеческого сердца — ребенка, обвиненного в том, что он мучил животное для своего удовольствия, подвергали смерти, как того, чья природа до такой степени испорчена, что ему нельзя позволить жить. Однако в цивилизованной Европе, быстро прогрессирующей во всем, кроме христианских добродетелей, «сила» до сих пор остается синонимом «правоты». Абсолютно бесполезная, грубая практика убийства с чисто спортивной целью бесчисленного количества птиц и зверей нигде не сопровождается большей горячностью, чем в протестантской Англии, где милосердное учение Христа вряд ли сделало человеческие сердца более мягкими, чем во времена Нимврода, «великого охотника перед Богом». Христианская этика столь же легко перешла к парадоксальным силлогизмам, как и этика «язычников». Один спортсмен однажды сказал автору, что поскольку «ни один воробей не упадет на землю без воли Отца», тот, кто убивает ради спорта, скажем, сотню воробьев, сотню раз действует по воле своего Отца!

Жалкий жребий для бедных животных, превращенный рукой человека в неумолимую неизбежность. *Разумная* душа человеческого существа рождается по-видимому для того, чтобы стать убийцей *неразумной* души животного — в полном смысле этого слова, так как христианская доктрина учит, *что душа животного умирает вместе с его телом*. Не может ли легенда о Каине и Авеле иметь двойной смысл? Взглянем еще на одно бесчестье нашего культурного века — научные бойни, называемые «комнатами для вивисекции». Войдем в одно из таких помещений в Париже и посмотрим на Поля Берта или кого-либо другого из тех людей — которых так справедливо называют «учеными мясниками института» — за их ужасной работой. Я могу привести убедительное описание, сделанное очевидцем, который тщательно изучал *modus operandi* [способ действия] таких «экзекуторов», хорошо известным французским писателем:

Вивисекция, — говорит он, — это специальность, в которой *пытка*, научно используемая нашими палачами-академиками, применяется в течение дней, недель и даже месяцев к жилам и мышцам одной и той же жертвы. Он (мучитель) использует любой вид оружия, проводит свой анализ перед безжалостной аудиторией, каждое утро распределяет свою задачу сразу между десятью учениками, один из которых *работает* с глазом, другой — с ногой, третий — с головным мозгом, четвертый — с костным мозгом; и их неопытным рукам удастся тем не менее к ночи, после тяжелой дневной работы, обнаружить целостность живого трупа, который им приказали *расчленить*, и вечером его тщательно убирают в погреб для того, чтобы с раннего утра с ним снова можно было работать, если в жертве сохранится, конечно, хотя бы капля жизни и чувствительности. Мы знаем, что сторонники закона защиты животных пытались протестовать против этой мерзости; но Париж показал себя более безжалостным, чем Лондон и Глазго.¹

И все же эти джентльмены хвастаются тем, какую *великую* цель они преследуют, и какие *огромные* тайны открываются с их помощью.

Ужас и ложь! — восклицает тот же автор. — Относительно таких тайн (за исключением того, что касается локализации способностей и движений в головном мозгу) мы знаем лишь об одной тайне, которая принадлежит им по праву: тайна увековеченного мучения, по сравнению с которым ужасный естественный закон *аутофагии* [взаимного поедания], ужасы войны, жертвы спортивной охоты, страдания животного под ножом мясника, — все это ничто! Слава нашим людям науки! Они превзошли все известные формы мучений и останутся навсегда, без какого-либо соперничества, королями искусственного страдания и отчаяния!²

Обычное оправдание убийства, и даже легального мучения животных, — такого как вивисекция, — это один-два стиха из Библии, и их плохо усвоенный смысл, искаженный так называемой схоластикой, представленной Фомой Аквинским. Даже де Мирвиль, этот горячий защитник прав церкви, называет такие тексты — «наполненными библейской терпимостью, *навязанными*, как и многое другое, Богом после потопа и вызванными упадком нашей силы». Как бы это ни было, такие тексты откровенно противоречат другим текстам той же Библии. Человек, который ест мясо, спортсмен и даже вивисектор (если последний верит в творение и Библию), — все они обычно цитируют для своего оправдания тот стих из Бытия, где Бог дает *дуальному* Адаму власть «над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле» (Бытие, I, 28), и таким образом, как это понимает христианин, он дает ему власть над жизнью и смертью каждого животного на земном шаре. Более философичные брахман и буддист могли бы ответить на это: «Это не так. Эволюция начинает лепить будущие человечества внутри самых низших ступеней бытия. Поэтому, убивая животное, или даже насекомое, мы останавливаем прогресс единого целого по направлению к его конечной цели в природе — ЧЕЛОВЕКУ»; и на это изучающий оккультную философию может сказать «Аминь», добавляя, что это не только задерживает эволюцию единого целого, но и мешает тому, чтобы возникла последующая, более совершенная человеческая раса.

Кто из оппонентов прав, кто из них более логичен? Ответ зависит, конечно, прежде всего от личных верований посредника, избранного для решения этого вопроса. Если он верит в (так называемое) творение, то в ответ на простой вопрос: «Почему убийство человека должно рассматриваться как самый ужасный грех против Бога и природы, а убийство миллионов живых существ просто как спорт?» — он выдаст ответ: «Поскольку человек создан по образу Бога и смотрит *вверх* на своего Творца и место своего рождения — небеса (*os homini sublimi dedit*), а взор животного направлен *вниз*, на место *своего* рождения — землю; ибо сказал Бог: «Да произведет земля душу живую по роду ея, скотов, и гадов, и зверей земных» (Бытие I, 24)». И кроме того, «поскольку человек имеет бессмертную душу, а немая тварь не обладает бессмертием, и после смерти не проживает даже малого времени».

На это неискушенный мыслитель мог бы ответить, что если Библия должна быть авторитетом для нас в этом деликатном вопросе, то в ней не в большей степени содержится доказательство того, что место рождения человека находится на небесах, чем то же в отношении земных тварей, — как раз наоборот: в Бытие мы находим, что если Бог создал «человека» и благословил «их» (Бытие I, 27-28), то он же создал «огромных рыб» и «благословил их» (21-22). Более того, «создал Господь Бог человека из праха земного» (II, 7); и «прах» — это, конечно, размельченная земля? Соломон, король и проповедник, является общепризнанным авторитетом и мудрейшим из библейских мудрецов; и он высказывает ряд истин в Екклесиасте (гл. III), которые следует использовать до сих пор при любом обсуждении этого вопроса.

«Чтобы они [сыны человеческие] видели, что они сами по себе — животные» (стих 18) ... «участь сынов человеческих и участь животных — участь одна ... и нет у человека преимущества перед скотом» (стих 19) ... «Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвратится в прах (стих 20). *«Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?»* (стих 21).

Воистину, «кто знает»! Во всяком случае, не наука и не «божественная школа».

Если бы целью этих строк была проповедь вегетарианства на основании авторитета Библии или Веды, то это было бы очень легкой задачей. Ибо, если это верно, что Бог дал *дуальному* Адаму, — «мужчине и женщине» главы I Бытия, — (который имел мало общего с нашим «предком-подкаблучником» из главы II), «власть над всяким живым существом», однако нигде мы не найдем, чтобы «Господь Бог» повелел Адаму, или кому-либо другому, поедать живые творения или убивать их из спортивного интереса. Как раз наоборот. Ибо указывая на растительное царство и «плод древесный, сеющий семя», Бог говорит совершенно ясно: «вам [людям] *сие* будет в пищу» (I, 29).

Первые христиане столь ревностно воспринимали эту истину, что в течение первых веков нашей эры они никогда не ели мяса. В «Octavio» Тертуллиан пишет Минуцию Феликсу: «нам не позволено ни быть свидетелями, ни даже слушать рассказы об убийстве, мы — христиане, и *отказываемся пробовать пищу, к которой могла быть примешана кровь животного*».

Автор этих строк не проповедует вегетарианство, просто защищая «права животных», но пытается показать ошибочность непризнания таких прав, опираясь на авторитет Библии. Кроме того, спорить с теми, кто рассуждает исходя из целого ряда ошибочных интерпретаций, было бы совершенно бесполезно. Тот, кто отрицает учение об эволюции, всегда будет идти по дороге, вымощенной препятствиями; поэтому мы никогда не согласимся с тем, что это в большей степени согласуется с фактами и логикой, чем рассмотрение физического человека просто как сознательный образец животного, а духовное эго, которое *информирует* его, — как принцип, находящийся на полпути между душой животного и божеством. Было бы бесполезно говорить ему, что если он не примет не только те стихи, которые он цитирует в качестве своего доказательства, но и Библию в целом, в свете эзотерической философии, которая примиряет целый ряд противоположностей и положений, *кажущихся* абсурдными, в ней, — он никогда не получит ключ к истине; — ибо он не поверит ей. Библия, в целом, изобилует милосердием к людям и добротой и любовью к животным. Оригинальный еврейский текст главы XXIV книги Левит переполнен этим. Вместо стихов 17 и 18, так переведенных в Библии: «Кто убьет скотину, должен заплатить за нее, скотину за скотину» в оригинальном тексте говорится: «жизнь за жизнь», или, скорее, «душу за душу», *нефеш такхат нефеш*.³ И если суровость закона не доходила до такой меры, как убийство (как в Спарте, человеческая «душа» за «душу» скота), — все же, хотя он и заменял убитую душу душой живущего существа, на виновного налагалось тяжелое добавочное наказание.

Но это еще не все. В Исходе покой праздного дня распространялся на скот и других животных:

«День седьмой — суббота ... не делай в оный никакого дела ни ты, ни ... скот твой»; (XX, 10); и праздный год «...в седьмой [год] оставляй ее [землю] лежать в покое ... чтобы отдохнул вол твой и осел твой» (XXIII, 10, 12),

— эта заповедь, если она что-либо означает, показывает, что даже животные не были исключены древними евреями из участия в поклонении их божеству, и что это участие во многих случаях происходило наравне с самим человеком. Многие вопросы происходят из непонимания, что «душа», *нефеш*, совершенно отлична от «духа», *руах*. И все же ясно утверждается, что «Бог вдохнул в ноздри (человека) *дыхание жизни* и человек стал живой душой», *нефеш*, не в большей и не в меньшей степени, чем животное, ибо душа животного также называется *нефеш*. И только благодаря развитию *душа* становится *духом*, и оба они являются ступенями, более низкой и более высокой, одной и той же лестницы, основа которой — Универсальная Душа, или дух.

Это утверждение испугает тех добрых мужчин и женщин, которые, хотя многие из них и могут любить своих кошек и собак, все же слишком привержены учениям своих уважаемых церковей, всегда признающих его ересью. «*Неразумная душа собаки или лягушки божественна и бессмертна так же, как и наши собственные души?*» — безусловно, воскликнут они, но именно так и обстоит дело. И сказал так — не скромный автор сей статьи, но такой авторитет для всех добрых христиан, как король проповедников — св. Павел. Наши оппоненты, которые с таким негодованием отказываются выслушивать аргументы современной или эзотерической науки, все же могли бы с большей доброжелательностью прислушаться к тому, что сказали по этому вопросу их собственные святые и апостолы; кроме того, правильная интерпретация их слов должна быть дана не теософами и не их оппонентами, но тем, кто был столь же добрым и набожным христианином, таким как, например, другой святой — Иоанн Христом — тот, кто объяснил и прокомментировал послания Павла, и кто пользуется высшим уважением у богословов обеих церковей, римско-католической и протестантской. Христиане уже обнаружили, что экспериментальная наука не на их стороне; они могли бы быть еще в большей степени неприятно удивлены обнаружив, что никакой индус не мог бы защищать жизнь животных серьезнее, чем это делает св. Павел в послании к римлянам. Индус, по существу, призывает к милосердию к бессловесному животному только исходя из доктрины о перевоплощении и, следовательно, из сходства принципа, или элемента, который одушевляет и человека, и животное. Св. Павел идет дальше: он показывает животное *надеящимся и живущим в ожидании такого же «освобождения от оков разложения»*, как и любой добрый христианин. Это ясное выражение великого апостола и философа будет цитироваться в дальнейшем, и будет показано его истинное значение.

Тот факт, что столь многие толкователи — отцы церкви и средневековые схоластики — пытались обойти истинное значение слов св. Павла — это доказательство, направленное не против их внутренней интуиции, но скорее против уверенности теологов, чья непоследовательность и будет показана в этом разделе. Но некоторые люди до конца поддерживают их предположения, какими бы ошибочными они ни были. Другие, осознав свою ранее допущенную ошибку, как Корнелий Лapid, приносят бедным животным *amende honorable* [публичное извинение]. Рассуждая о той области, которая отведена природой животным в великой драме жизни, он говорит: «Цель всех творений — это служба человеку. Следовательно, вместе с ним (своим хозяином), они ожидают своего воскресения» — *cum homine renovationem suam expectant*.⁴ «Служение» человеку конечно не может означать пытки, убийства, бессмысленные расстрелы и другого рода злодеяния; в то же время совершенно не нужно объяснять слово «воскресение». Христиане понимают под ним телесное воскресение после второго пришествия Христа; и ограничивают его людьми, исключая животных. Изучающие Тайную Доктрину объясняют его как последующее воскресение и усовершенствование форм на шкале объективного и субъективного бытия, и в течение длинной серии эволюционных трансформаций от животного к человеку и выше...

Это положение, конечно, будет снова с негодованием отвергнуто христианами. Нам будут говорить, что это совсем не то, что объясняет им Библия, и что это утверждение никогда не будет иметь смысла. Бесплезно настаивать на этом. Много было повлекших горькие последствия ошибочных интерпретаций того, что люди приветствовали как «Слово Божье». Предложение «проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Бытие IX, 25), — породило столетия страданий и незаслуженных мучений несчастных рабов — негров. Именно духовенство Соединенных Штатов противостояло борьбе против рабства *с Библией в руках*. Однако доказано, что рабство всегда было причиной упадка любой страны; и даже гордый Рим пал, поскольку «большинство в древнем мире составляли рабы», — как справедливо отмечает Геер. Но во все времена даже лучшие и наиболее образованные христиане были столь сильно пропитаны множеством ошибочных толкований Библии, что даже один из их величайших поэтов, защищая право человека на свободу, лишает бедных животных такого права.

Бог дал нам власть над царствием природы:
Животные на суше, рыбы в море и птицы в небе
Служить нам будут вечно по воле высшей;
Но власть над человеком человеку Он не дал,
За собой оставив право карать и миловать,
И кроме Бога над нами быть не может никого.

— говорит Мильтон.

Но, подобно убийству, ошибка «всплывет», и неизбежно обнаружится несоответствие, независимо от того, говорят ли ошибочные заключения за или против относительно этого заранее осужденного вопроса. Оппоненты восточного *филозоизма* дают своим критикам сильное оружие, опровергающее их аргументы посредством такого несовпадения между предпосылками и заключениями, между постулированными фактами и сделанными выводами.

Наша задача состоит в том, чтобы пролить луч света на этот исключительно серьезный и интересный предмет. Писатели католической церкви для того, чтобы подтвердить множество чудесных воскрешений животных, произведенных их святыми, сделали их предметом бесконечных дебатов. По мнению Боссюэ «душа в животных — это наиболее трудный и наиболее важный из всех философских вопросов».

Противостоя церковной доктрине о том, что животные, хотя и не являющиеся бездушными, не имеют в себе *постоянной* или бессмертной души, и что принцип, который оживляет их, умирает вместе с телом, — интересно понять, каким образом ученые и церковные богословы согласуют это утверждение с тем, что животные могут быть воскрешенными, и часто были воскрешены чудесным образом.

Будучи лишь слабой попыткой (ибо более полная потребовала бы написания многих томов), данный очерк имеет целью убедить людей, показывая непоследовательности схоластических и теологических интерпретаций Библии, в преступности отбирания жизни у животных, особенно со спортивными целями и ради вивисекции. Его цель состоит в том, чтобы, во всяком случае, показать, что как бы абсурдно не было мнение о том, что человек или животное могут быть воскрешены после того, как жизненный принцип навсегда покинул тело, такие воскрешения — если они действительно происходили — были бы не в большей степени невозможны в случае бессловесного животного, чем в случае человека; ибо или оба они наделены природой тем, что неопределенно называется нами «душой», или ни один ни другой не обладают ею.

II

Что за странное существо — человек! что за хаос, что за субъект всяческих противоречий! опытный судья всего сущего и в то же время слабый земной червь! величайшее хранилище и страж истины, и в то же время простое скопище неопределенностей! *слава и скандал вселенной!*

Блез Паскаль

Перейдем далее к тому, каковы взгляды христианской церкви на природу души в животном, и рассмотрим, каким образом она примиряет противоречия между воскрешением умершего животного и предположением, что его душа умирает вместе с ним, и опишем некоторые чудеса, связанные с животными. По-видимому, прежде чем будет нанесен последний и решительный удар по тому эгоистическому учению, которое стало столь отягощенным грубой и немилосердной практикой по отношению к бедным животным, читатель должен познакомиться с колебаниями самих отцов церкви в отношении правильной интерпретации слов, высказанных по этому вопросу апостолом Павлом.

Любопытно отметить, как карма двух из наиболее неутомимых защитников латинской церкви — Муссо и де Мирвиля, в работах которых содержатся записи о нескольких чудесных событиях — снабдила их оружием, используемым сейчас против их же искренних, но исключительно ошибочных взглядов.⁵

Поскольку в будущем предстоит великая битва между «сотвористами», или христианами, а также всеми, верящими в особое творение и личного бога, и эволюционистами, или индусами, буддистами, всеми свободомыслящими и, наконец, большинством людей науки, — то разумно было бы пересмотреть их позиции.

1). Христианский мир постулирует свое право на жизнь животных: во-первых, исходя из вышецитированных библейских текстов и более поздних схоластических интерпретаций этих текстов; и во-вторых, основываясь на предполагаемом отсутствии у животных чего-либо подобного божественной или человеческой душе. Человек переживает смерть, а животное — *нет*.

2). Восточные эволюционисты, исходящие в своих выводах из своих великих философских систем, считают греховным по отношению к деятельности природы убивать какое-либо живое существо по причинам, изложенным на предыдущих страницах.

3). Западные эволюционисты, вооруженные последними открытиями науки, не обращают внимания ни на христиан, ни на язычников. Некоторые ученые верят в эволюцию, другие — нет. Тем не менее все они соглашаются в одном: в том, что физическое точное исследование не дает оснований предполагать, что человек наделен бессмертной божественной душой в большей степени, чем собака.

Таким образом, тогда как азиатские эволюционисты ведут себя по отношению к животным в точном соответствии со своими научными и религиозными взглядами, ни церковь, ни материалистическая школа науки, не обнаруживают логики при практическом применении своих теорий. Первая из них поучает, что каждое живое существо специально

создано Богом, так же как создается человеческий ребенок, и что от рождения до смерти оно находится под неустанной заботой мудрого и благого Провидения, и в то же время позволяет низшим творениям иметь лишь временную душу. Последняя, рассматривая и человека, и животное, как бездушный продукт до сих пор неоткрытых естественных сил, все же на практике создает пропасть между ними обоими. Человек науки, наиболее последовательный материалист, занимающийся вивисекцией на живом животном с полным бесстрашием, все же содрогнулся бы при мысли о том, чтобы нанести увечье (не говоря уже о том, чтобы замучить до смерти) своему собрату. Среди тех крупных материалистов, которые имели склонность к религии, нельзя найти никого, кто показал бы себя последовательным и логичным в определении истинного морального статуса животного и прав человека на него.

Далее следует привести ряд примеров для подтверждения выдвинутых обвинений. Обращаясь к серьезным и образованным умам, следует отметить, что взгляды разных авторитетов, цитируемых здесь, не являются незнакомыми читателю. Поэтому будет достаточно дать лишь короткие извлечения из некоторых выводов, к которым они пришли, начиная с представителей церкви.

Как уже отмечалось, церковь *требует* веры в чудеса, совершенными ее великими святыми. Среди различных чудес мы выберем сейчас лишь те, которые непосредственно относятся к нашему вопросу, то есть чудесные воскрешения умерших животных. Тот, кто наделяет человека бессмертной душой, независимой от тела, которое она одушевляет, легко может поверить, что посредством некоторого божественного чуда душа может быть вызвана и погружена обратно в то жилище, которое она оставляет, по-видимому, навсегда. Но как он может принять ту же возможность в случае животного, поскольку его вера учит его, что животное не имеет независимой души, так как она исчезает вместе с телом? В течение двухсот лет, начиная с Фомы Аквинского, церковь авторитетно учила, что душа животного умирает с его организмом. Что же тогда вызывается обратно в тело и оживляет его? Именно в этом самом месте схоластики включают в решение проблемы и примиряют непримиримое.

Они начинают с того, что чудеса воскрешения животных многочисленны и так же хорошо документированы, как «воскрешение Господа нашего Иисуса Христа».⁶ Болландисты приводят бесконечное число примеров такого рода. Отец Бьюрини, агиограф⁷ XVII века, шутливо замечает о дрофах, воскрешенных св. Реми:

Мне могут сказать, без сомнения, что я сам — гусь, если я доверяю таким историям о «синей птице». В таком случае я отвечу шутнику и скажу, что если он оспаривает это, то он должен вычеркнуть их жизни св. Исидора Испанского утверждение о том, что он воскресил после смерти лошадь своего хозяина; из жизнеописания св. Николая Толентинского — то, что он вернул жизнь куропатке вместо того, чтобы съесть ее; из биографии св. Франциска — то, что он вытащил из печи ягненка, которого жарили, и оживил его, и что *варившиеся* рыбы, которых он оживил, начали *плавать в кипятке*; и т. д., и т. д. Кроме того, этот скептик должен был бы обвинить более ста тысяч очевидцев — среди которых, по крайней мере, немногие должны были иметь здравый смысл — в том, что они или лжецы, или простофили.

Гораздо более высокий авторитет, чем отец Бьюрини, — папа Бенедикт (Бенуа) XIV, подтверждает вышеприведенные высказывания. Кроме того, имена очевидцев воскрешения — св. Сильвестра, Франсуа де Поля, Северина из Кракова и множества других — упоминаются у болландистов. «Он лишь добавляет», — говорит кардинал де Вентура, цитирующий его, — «что для того, чтобы это можно было полностью признать

воскрешением, требуется *идентичное* и *количественное* воспроизведение формы,⁸ а также материала умершего существа; а поскольку эта форма (или душа) животного исчезает вместе с его телом, в соответствии с учением св. Фомы, то в каждом таком случае Бог должен создать для совершения чуда новую форму для воскрешаемого животного; отсюда следует, что воскрешенное животное *не полностью идентично* с тем, кем оно было до смерти (*non idem omnino esse*).⁹

Все это выглядит очень похожим на одну из магических *иллюзий*. Хотя проблема и не становится совершенно ясной, можно сделать следующее заключение: принцип, который одушевляет животное в течение жизни, называемый душой, умирает или разрушается после смерти тела, и другая душа — «некий вид *бесформенной души*», как говорят нам папа и кардинал — *создается* с целью совершения чуда Богом; кроме того, эта душа отличается от души человека, которая представляет собой «независимую, эфирную и вечно длящуюся сущность».

Помимо естественного возражения по поводу того, что «чудо» совершается святым, поскольку это просто Бог стоит за его спиной и «создает» с целью своего прославления совершенно новую душу так же, как и новое тело, — все учение томистов¹⁰ открыто для возражений. Ибо, как разумно замечает Декарт: «Если душа животного столь отлична (в своей нематериальности) от своего тела, мы полагаем, что едва ли возможно не рассматривать ее как духовный принцип — то есть, как нечто разумное».

Вряд ли нужно напоминать читателю, что Декарт рассматривал животное просто как автомат, «хорошо заведенный часовой механизм», согласно Мальбраншу. Поэтому тот, кто принимает теории Декарта о животных, должен одновременно принимать и взгляды современных материалистов. Ибо, поскольку такой автомат способен иметь чувства, такие как любовь, благодарность и т. д., и, несомненно, наделен памятью, — все такие качества должны быть «свойствами материи», как учит нас материализм. Но если животное является «автоматом», то почему не человек? Точные науки — анатомия, физиология и т. п. — не находят ни малейшей разницы между телами животных и человека; и кто знает, — справедливо вопрошает Соломон, — поднимается ли дух человека кверху намного выше, чем дух животного? Таким образом, метафизика Декарта столь же непоследовательна, как и всякая другая.

Но что скажет на это св. Фома? Позволяя животному иметь душу (*anima*) и объявляя ее *нематериальной*, он в то же самое время отказывается признать *духовные* качества в ней. Он говорит: «В таком случае, следовало бы предполагать в ней *разумность* — специфическое свойство, присущее только душе человека». Но поскольку на четвертом Латеранском Соборе было решено, что «Бог создал две отдельные субстанции — телесную (*mundanam*) и духовную (*spiritualem*)», и что нечто невещественное должно быть по необходимости духовным. Св. Фома должен был прибегнуть к помощи некоего компромисса, который можно не называть уловкой только потому, что это было сделано святым. Он говорит: «Эта душа животного — не дух, и не тело; она имеет промежуточную природу».¹¹ Это очень неудачное утверждение. Ибо в другом месте св. Фома говорит, что «все души — даже души растений — имеют субстанциональную форму своих тел»; и если это верно для растений, то почему не для животных? Очевидно, что она не является ни «духом», ни чистой материей, но состоит из того вещества, которое св. Фома называет «промежуточной природой». Но почему, находясь на правильном пути, надо отрицать ее возможность переживания смерти, не говоря уж о ее бессмертии? Это противоречие столь вопиющее, что де Мирвиль в отчаянии провозглашает: «Здесь мы находимся в присутствии трех субстанций, а не двух, как это установлено Латеранским

Собором!»; и он продолжает спорить, в той мере, насколько осмеливается, с «ангельским доктором».

Великий Боссюэ в своем «Трактате о познании Бога и себя самого» анализирует и сравнивает систему Декарта и св. Фомы. Никто не может обвинить его в том, что он оказывает предпочтение логике Декарта. Он считает, что «открытие» Декарта, касающееся автоматов, «позволяет лучше преодолеть трудность, чем учение св. Фомы, полностью принятое католической церковью; отец Вентура чувствует возмущение против Боссюэ, совершившего «такую несчастную и ребяческую ошибку». И, хотя он верен своему учителю, св. Фоме, признавая у животных душу, обладающую всеми способностями чувств и ощущений, он также отказывает им в разуме и способности к рассуждению. «Боссюэ», — говорит он, — «должен быть осужден тем более, что сам он говорил: «Я предвижу, что готовится великая война против церкви, под знаменем картезианской философии». В этом он прав, ибо из «чувствующей материи» мозга животного естественно происходит *думающая материя* Локка, а из нее — все материалистические школы нашего столетия. Но в чем он неправ, так это в поддержке учения св. Фомы, которая полна слабых мест и противоречий. Ибо, если душа животных, как учит Римская католическая церковь, является бесформенным нематериальным принципом, то становится очевидным, что, будучи независимой от физического организма, она может «умереть вместе с животным» не в большей степени, чем в случае человека. Если же мы примем, что она сохраняется и переживает смерть, то в чем же она будет отличаться от души человека? И она является вечной — как только мы признаем авторитет св. Фомы по этому вопросу, хотя он и противоречит сам себе. «Душа человека является бессмертной, а душа животного погибает», — говорит он («Summa» т. 5, стр. 164), — и это после того, как на вопрос, заданный в томе 2 того же труда (стр. 256): «Имеются ли какие-нибудь существа, которые вновь могут появиться в небытии?» — он отвечал самому себе: «Нет, ибо в Екклесиасте сказано: «То, что делает Бог, пребывает вечно» (III, 14). «У Бога нет никаких изменений» (Иаков I, 17)». «Поэтому», — продолжает Фома, — «ни естественным путем, ни посредством чуда никакое существо не может перейти в небытие (быть уничтожено); *нет ничего в живом существе, что бы исчезло*, ибо то, что обнаруживает божественная доброта с великим сиянием, — это постоянное сохранение живых существ».¹²

Это предложение комментируется и подтверждается в аннотации аббата Дрию, его переводчика. «Нет», — отмечает он, — «ничто не уничтожается; это принцип, который стал аксиомой благодаря современной науке».

Если это так, то почему же должно быть сделано исключение из этого неизменного закона природы, признаваемого и наукой, и теологией? — исключение, касающееся только души животного. Только потому, что *она не обладает разумом!* — предположение, которое беспристрастный мыслитель будет постоянно оспаривать.

Посмотрим, однако, переходя от схоластической философии к естественным наукам, каковы же возражения натуралистов относительно того, что животные имеют в себе разумную, и поэтому независимую душу.

«Чем бы ни было то, что думает, понимает и действует, — это нечто небесное и божественное, и потому с необходимостью должно быть вечным», — писал Цицерон примерно две тысячи лет назад. Мы должны понять, вопреки Гексли, что Фома Аквинский, «король метафизиков», твердо верил в чудеса воскрешения, совершенные св. Патриком.¹³

Поистине, когда делаются такие потрясающие заявления, как эти вышеприведенные чудеса, и когда церковь призывает верить в них, то теологи должны как следует позаботиться о том, чтобы высшие церковные авторитеты по крайней мере не противоречили сами себе, обнаруживая невежество в некоторых вопросах, поднятых тем не менее до уровня учения.

Таким образом, животному отказывают в прогрессе и бессмертии, поскольку оно является автоматом. Согласно Декарту, оно не имеет разума, что соответствует представлениям средневековых схоластов; оно не имеет ничего, кроме инстинкта, под которым имеются ввиду произвольные импульсы, как это считают материалисты, но отрицает церковь.

Однако, уже Фредерик и Жорж Кювье широко обсуждали разум и инстинкты у животных.¹⁴ Их взгляды на эту тему были собраны и опубликованы Флоуренсом, ученым секретарем Академии наук. Вот что писал в журнале «Jardin des Plantes» (Париж) Фредерик Кювье, который в течение тридцати лет был директором Зоологического отделения и музея естественной истории. «Ошибка Декарта, или скорее общее заблуждение состоит в отсутствии должного разделения между разумом и инстинктом. Сам Бюффон впал в такое заблуждение, вследствие чего всякое положение его «Философии зоологии» содержит в себе противоречие. Признавая у животного чувство, более высокое, чем наше собственное, также как осознание своего реального существования, он отрицал у него в то же время мысль, рефлексию и память, и соответственно — всякую способность к размышлению» (Бюффон, «Трактат о природе животных», VII, стр. 57). Но, поскольку он вряд ли мог остановиться на этом, он принял, что животное имеет некий вид памяти, активной, экстенсивной и более точной, чем наша (человеческая) память (там же, стр. 77). Таким образом, после того, как он отказал ему в разуме, он тем не менее признал, что животное «советуется со своим хозяином, задает ему вопросы и прекрасно понимает все, что он хочет» (том. X, «История собаки», стр. 2).

Вряд ли можно было бы ожидать от великого ученого более великолепного набора противоположных заявлений.

Знаменитый Кювье прав, замечая в свою очередь, что «этот новый механизм Бюффона еще менее понятен, чем автомат Декарта».¹⁵

Как отмечает критик, следует производить разграничение между инстинктом и разумом. Постройка улья пчелами, возведение дамбы бобрами как в реке, так и на сухом полу, — все это результаты инстинктивной деятельности, совершенно не подверженной изменениям, тогда как разумные акты следует искать в действиях, очевидно обдуманном животным, в которых вступает в игру не инстинкт, а разум, и которые вызваны обучением и доступны к усовершенствованию и развитию. Взрослый человек наделен разумом, а новорожденный ребенок — инстинктами; молодое животное проявляет и то и другое в большей мере, чем ребенок.

На самом деле, каждый из тех, кто спорит, знает так же хорошо как и мы, что это так. Если какой-либо материалист отказывается верить в это, то причина этому лишь в гордости. Отрицая душу и у человека и у животного, он не хочет признать, что последнее наделено разумом как и он сам, хотя бы и в бесконечно меньшей степени. В свою очередь, церковник, религиозно настроенный натуралист, современный метафизик, отказываются от того, чтобы признать, что и человек и животное наделены душой и способностями, которые, хотя и неравны по своему развитию и совершенству, но, по меньшей мере, одинаковы по своему названию и сути. Каждый из их знает, или должен был бы знать, что инстинкт и разум — это две способности, полностью противоположные по своей природе,

два врага, находящиеся в постоянном конфликте друг с другом, и что если они не признают наличия двух душ или принципов, то они во всяком случае должны принять наличие двух потенциалов в душе, имеющих различные местоположения в мозгу, хорошо известное им, поскольку они могут выявить их и временно вывести из строя, — в зависимости от того, какой орган или какую часть органа им удастся подвергнуть мучениям во время их ужасных вивисекционных опытов.

То, что за всем этим стоит лишь человеческая гордость, побудило Попа сказать:

Спроси, зачем и для чего цветет прекрасная земля;
И звезды светят для кого? Гордыня скажет: Для тебя.
Лишь для *тебя* природы гений лелеет каждый лепесток,
И распускаться заставляет лишь для тебя любой цветок.
* * *

Рудник откроет древний клад, что для меня в земле зарыт;
Источник чистый твою жажду, когда захочешь, утолит;
Тебя разбудит солнца свет, откроет море сто дорог;
Трава — для ног твоих ковер, а небо — голубой полог!

И та же самая бессознательная гордость побудила Бюффона высказать свои парадоксальные замечания о различиях между человеком и животным. Это различие, говорит он, состоит в «отсутствии рефлексии, поскольку животное не чувствует то, что оно ощущает». Откуда Бюффон знает это? «Оно не думает о том, что оно думает», — добавляет он после того, как он сообщил аудитории, что животное вспоминает, часто произвольно, сравнивает и выбирает!¹⁶ Кто когда-либо претендовал на то, чтобы считать корову или собаку создателем идей? Но животное может думать и знать, что оно думает, и тем более сильно, что оно не может выражать свои мысли. Как может Бюффон или кто-либо еще знать об этом? Однако, кое-что известно благодаря точным наблюдениям натуралистов, а именно то, что животное наделено разумом; и как только это установлено, мы должны лишь повторить определение разума — прерогативы бессмертной души человека — данное Фомой Аквинским, чтобы понять, что то же самое присуще животному.

Но, отдавая должное *истинной* христианской философии, мы можем показать, что первоначально христианство никогда не поклонялось таким ужасным доктринам, которые явились причиной отпадения столь многих лучших и высокоинтеллектуальных людей от учения Христа и его учеников.

III

О, философия, ты — путеводитель жизни,
ты — открыватель добродетели!

— Цицерон

Философия — это скромная профессия, это истинность
и прямота; я терпеть не могу важности и претенциозности,
в основе которых нет ничего, кроме спеси.

— Плиний

Удел человека — и самого грубого, звероподобного, и в высшей степени святого — это быть бессмертным, согласно теологическому учению; а какова же судьба бесчисленных представителей животного царства? Различные католические писатели (кардинал Вентура, граф де Местр, и многие другие) говорят нам, что «душа животного — это *Сила*».

Хорошо установлено, — говорит их «эхо» де Мирвиль, — что душа животного создана *землей*, ибо так учит Библия. Всякая живая движущаяся душа («нефеш», или жизненный принцип) происходит из земли; но, пусть я буду правильно понят, не только из праха, из которого сделаны тела животных, так же как и наши, но и из силы, или потенции земли, то есть из ее нематериальной силы, какими являются и все другие силы — а именно силы *океана, воздуха* и т. д., представляющие собой те *Элементарные Принципы* (*principes elementaires*), о которых мы говорили в другом месте.¹⁷

Под этим термином маркиз де Мирвиль понимает то, что каждый «элемент» природы — это область, заполненная и руководимая своими невидимыми духами. Западные каббалисты и розенкрейцеры называли их сильфами, ундинами, саламандрами и гномами; а христианские мистики, такие, как де Мирвиль, дают им еврейские имена и распределяют их среди различных видов демонов под руководством Сатаны — конечно, с разрешения Бога.

Он, также, восстает против решения св. Фомы, согласно которому душа животного разрушается вместе с телом. Он говорит: «Нас призывают уничтожить некую силу, наиболее *существенную* силу на земле, называемую *животной душой*», которая, согласно преподобному отцу Вентуре, является «наиболее достойной уважения душой после души человека».¹⁸

Он только что назвал ее нематериальной силой, и теперь он же называет ее «наиболее *существенной* вещью на земле».¹⁹

Но что такое эта «сила»? Жорж Кювье и академик Флоуренс раскрывают нам ее секрет.

Форма, или сила тел, (отметим, что форма в этом случае означает душу), — пишет Кювье, — гораздо более *существенны* для них, чем материя, поскольку последняя постоянно меняется (не разрушаясь по существу), тогда как форма сохраняется вечно.

Флоуренс добавляет к этому:

Во всем, что имеет жизнь, форма является более устойчивой, чем материя; ибо то, что образует *Сущность* живого тела, его идентичность и его сходство с самим собой, — это его форма.²⁰

Как замечает в свою очередь де Мирвиль, поскольку форма является «основным принципом, философским основанием нашего бессмертия»,²¹ то отсюда следует, что под этим вводящим в заблуждение термином понимается душа человека или животного. Я предполагаю, что скорее это то, что мы называем Единством Жизни.

Как бы там ни было, как мирская, так и религиозная философия подтверждает утверждение о том, что души человека и животного идентичны. Лейбниц, философ, которого любил Боссюэ, по-видимому в некоторой степени верил в «воскрешение животных». Поскольку смерть для него — это «просто *временное сворачивание*

личности», он сравнивает ее с сохранением идей во сне или с бабочкой, содержащейся в гусенице. «Для него», — говорит де Мирвиль, — «воскрешение²² — это общий закон природы, но если оно совершается чудотворцем, то сразу становится большим чудом из-за своей преждевременности, окружающих обстоятельств и способов, которыми он действует». В этом отношении Лейбниц является истинным оккультистом, хотя и не подозревает этого. Рост и распускание цветка или растения за пять минут вместо нескольких дней или недель, усиленное развитие растения, животного или человека, — эти факты содержатся в записях оккультистов. Они только по видимости являются чудесами; естественные силы ускорили и во много раз усилили эти процессы при помощи особых условий и под воздействием оккультных законов, понятных для посвященного. Ненормально быстрый рост осуществляется силами природы, слепыми или обладающими незначительным разумом, подчиняющимся оккультной силе человека, силами, совместно действующими на развитие чего-либо из хаотических элементов. Но почему нужно одно называть божественным *чудом*, а другое — сатанинской уверткой или просто обманным действием?

И все же, как истинный философ, Лейбниц даже в этом опасном вопросе о воскрешении мертвых чувствует себя обязанным включить сюда все животное царство в целом, говоря: «Я верю, что души животных неразрушаемы... и я думаю, что это лучше всего способно доказать нашу собственную бессмертную природу».²³

Дан, викарий Мидлтона, опубликовал по этому вопросу два небольших тома, в которых он поддержал Лейбница. Подводя итог своим взглядам, он говорит, что «священные тексты содержат намеки на то, что животные будут жить в будущей жизни. Эта доктрина поддерживалась рядом отцов церкви. Разум, говорящий нам, что животные имеют душу, одновременно учит нас, что они должны переходить в будущее состояние. Взгляды тех, кто верит, что Бог уничтожает души животных, не имеет никаких прочных оснований», и т. д. и т. п.²⁴

Немало ученых последнего столетия защищало гипотезу Дана, объявляя ее в высшей степени вероятной, и прежде всего — протестантский теолог Шарль Боннэ из Женевы. Сейчас этот теолог является автором исключительно интересной книги, названной им «Палингенезис»,²⁵ или «Новое рождение», которое имеет место, как он старается доказать, благодаря невидимому зародышу, существующему в каждом; и, как и Лейбниц, он не может понять, почему животных следует исключить из этой системы, ибо в таком случае она утратит свое единство, а система означает «собрание законов».²⁶

Животные, — пишет он, — это удивительные книги, в которых творец собрал самые потрясающие черты своего верховного разума. Анатом должен изучать их с *уважением*, и даже если он слабо наделен чувством деликатности и способностью к рассуждению, характерными для нравственного человека, он никогда не будет представлять себе, что имеет дело с грифельной доской или с булыжником. Он никогда не забудет, что все то, что живет и чувствует, имеет право на его милосердие и жалость. Человек стал бы избегать риска идти на компромисс со своим этическим чувством, если бы он познакомился со страданиями и кровью животных. Эта истина настолько очевидна, что правительства никогда не должны упускать ее из виду... Что касается гипотезы об автоматизме животных, то я склонен рассматривать ее как философскую ересь, которая была бы очень опасна для общества, если бы она не противоречила столь сильно здравому смыслу и чувствам, становясь тем самым безопасной, ибо она никогда не может быть признана.

Что касается предназначения животных, то, если моя гипотеза верна, провидение предусматривает в их будущих состояниях крупные компенсации за их теперешнюю жизнь...²⁷ Для меня их воскрешение — это следствие той души или формы, наличие которой мы обязаны признать у них, ибо душа является простой субстанцией, которая не может быть *ни разделена, ни разложена на составные части, ни уничтожена*. Нельзя избежать такого заключения без того, чтобы не впасть в автоматизм Декарта; а в этом случае каждый быстро и неизбежно перешел бы от автоматизма животных к автоматизму человека...

Наша современная биологическая школа дошла до теории «человека-автомата», но ее последователи могут иметь свои собственные схемы и заключения. То, чем я в настоящее время занимаюсь, это окончательное и полное доказательство того, что ни Библия, ни ее наиболее философские интерпретаторы (хотя бы по другим вопросам у них и не было ясных взглядов) *никогда не отрицали, исходя из библейского авторитета, наличия бессмертной души у животных*, более того, они находили в ней убедительное доказательство существования такой души у человека. Следует прочесть некоторые стихи в книге Иова и Екклесиасте (III, 17-22), чтобы прийти к этому заключению. Суть дела состоит в том, что там ни единого слова не говорится о будущем состоянии ни животного, ни человека. Но если в Ветхом Завете содержится лишь негативное свидетельство относительно бессмертной души животных, то в Новом Завете это утверждается так же прямо, как и для самого человека; и именно для пользы тех, кто насмехается над индусским *филозоизмом*, кто утверждает свое право убивать животных по собственному произволу и для своего удовольствия и не признает у них бессмертной души, — дается сейчас окончательное и определенное доказательство такого рода.

В конце 1-й части упоминался св. Павел как защитник бессмертия всякого животного творения. К счастью, это утверждение не из тех, которыми христиане могут пренебречь как «богохульными и еретическими интерпретациями святого писания группой атеистов и свободомыслящих». Если бы каждое из высшей степени глубоких и мудрых слов апостола Павла — посвященного в той мере, в какой он мог быть таковым — было понято столь же ясно, как и те отрывки, которые относятся к животным! Ибо тогда было бы показано, что неразрушимость материи, о которой говорит материалистическая наука; закон вечной эволюции, резко отрицаемый церковью; вездесущность Единой Жизни, или единства Единого Элемента и его наличие во всей природе, как это проповедуется эзотерической философией, и тайный смысл послания к римлянам св. Павла (VII, 18-23), — все это, очевидно, одно и то же. Поистине, что еще мог иметь ввиду этот великий исторический персонаж, столь явно пропитанный неоплатонической александрийской философией, говоря то, что я расшифровываю и комментирую в духе оккультизма, чтобы дать более ясное понимание моих взглядов?

Апостол начинает, говоря (Рим. VIII, 16, 17): «Сей *Самый Дух (Параматма)* свидетельствует духу нашему (*атман*), что мы — дети Божии», и «*если дети, то и наследники*» — наследники, конечно, вечности и неразрушимости вечной или божественной сущности в нас. Далее он говорит нам:

Нынешние временные страдания ничего не стоят *в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (стих 18).

Под «славой» мы имеем ввиду не «новый Иерусалим», символическое представление будущего в каббалистическом Откровении св. Иоанна, но *деваханические* периоды и серии рождений в последовательных расах, когда, после каждого нового перерождения мы будем обнаруживать себя выше и совершеннее как физически, так и духовно, и когда в

конце концов мы все действительно станем «сыновьями» и «детьми» Бога при «последнем воскрешении», назовут ли его люди христианским, нирваническим или парабрахмическим, поскольку все это одно и то же. Так как воистину:

Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих (стих 19).

Под тварью здесь имеется ввиду животное, как это будет показано далее исходя из авторитета св. Иоанна Хризостома. Но кто эти «сыны Бога», появления которых страстно желают все твари? Являются ли они «сыновьями Бога», с которыми «пришел также Сатана» (см. кн. Иова), или это «семь ангелов» из Откровения? Имеют ли они отношение только к христианам, или же к «сынам Бога» по всему миру?²⁸ Такое появление обещается в конце каждой *манвантары*,²⁹ или мирового периода, писаниями каждой великой религии, и хранится в *эзотерических* интерпретациях всех их, но наиболее ясно — в Ведах. Ибо здесь говорится, что в конце каждой *манвантары* наступает *пралайя*, или разрушение мира — лишь одно из которых известно христианам и ожидается ими, — когда будут оставлены *сишты*, или останки, семь риши и один воин, а также все семена для будущей «приливной волны следующего цикла».³⁰ Но главное, чем мы сейчас заняты, состоит не в том, чтобы показать, какая из теорий, христианская или индуистская, более верная; но в том, чтобы доказать, что брамины, которые учат, что семена всех существ сохраняются, несмотря на периодическое полное разрушение всех видимых вещей, вместе с «сыновьями Бога», или риши, которые должны проявить себя для будущего человечества, — говорят не больше и не меньше того, что проповедует сам св. Павел. Оба учения рассматривают жизнь животных с надеждою на новое рождение и переход в более совершенное состояние, когда каждая тварь, которая сейчас «ожидает», будет радоваться «появлению сынов Божиих». Как объясняет св. Павел:

«Сама [*ipsa*] тварь *освобождена будет* от рабства тления», то есть можно сказать, что зародыш, или неразрушимая душа животного, которая не достигла Девахана, пребывая в элементарном или животном состоянии, будет переходить в более высокую форму вместе с человеком, достигая еще более высоких состояний и форм, и как человек, так и животное, достигая «свободу славы» детей Божиих (стих 21).

Эта «свобода славы» может быть достигнута только путем эволюции, или кармического прогресса всех живых существ. Бессловесное животное, развившееся из наполовину чувствительного растения, постепенно превращается в человека, духа, Бога — *et seq.* и *ad infinitum* [и так далее, и до бесконечности]! Ибо св. Павел говорит:

Мы знаем [«мы», посвященные], что вся тварь (*omnis creatura* или *животное* в Вульгате) совокупно стенает и мучится [при рождении ребенка] донныне³¹ (стих 22).

Это прямое признание того, что человек и животное уравниваются между собой на земле в том, что касается страдания, и в своих эволюционных усилиях достигнуть цели в соответствии с кармическим законом. «Донныне» — означает до пятой расы. Чтобы сделать это еще более ясным, великий христианский посвященный дает следующее объяснение:

Не только *она* [тварь], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего (стих 23).

Да, это мы, люди, «имеющие начаток Духа», или прямой парабрахмический свет, нашу атму, или седьмой принцип, благодаря усовершенствованию нашего пятого принципа (манаса), который гораздо менее развит у животного. Как компенсация этого, их карма,

однако, гораздо легче, чем наша. Но это не является основанием для того, чтобы они не могли однажды достигнуть того усвершенствования, которое дает полностью развитому человеку форму дхьян чохана.

Ничто не может быть более ясным — даже для несведущего, непосвященного критика — чем эти слова великого апостола, независимо от того, интерпретируем ли мы их в духе эзотерической философии, или средневековой схоластики. Надежда на искупление или переживание духовной сущности, освобожденной от «рабства тления», или от ряда временных материальных форм, существует для *всех живых* существ, а не только для одного человека.

Но нельзя ожидать от «образца» для животных, как известно, неоднозначного, что он легко согласился бы разделить свои надежды со своим домашним скотом и домашней птицей. Знаменитый комментатор Библии, Корнелий Лапид, впервые отметил и обвинил своих предшественников в том, что они сознательно сделали все возможное, чтобы избежать применение понятия *creatura* к низшим созданиям в этом мире. Мы узнаем у него, что св. Григорий Назианский, Ориген и св. Кирилл (вероятно, единственный, кто отказывался видеть человеческое существо в Ипатии и обращался с ней так, как если бы она была диким животным) настаивали на том, что слово *creatura* в цитированных выше стихах применялось апостолом просто к ангелам! Но, как отмечает Корнелий, обращаясь за поддержкой к св. Фоме, «это мнение является слишком искаженным и произвольным (*distorta et violenta*); кроме того, оно обесценивается тем фактом, что ангелы как таковые уже освобождены от рабства тления». Не более удачно и предложение св. Августина, ибо он выдвигает странную гипотезу, что «существа», о которых говорит св. Павел, это «неверные и еретики» всех времен! Корнелий возражает против уважаемого отца церкви так же хладнокровно, как и против его более ранних святых собратьев. «Ибо», — говорит он, — «в цитируемом тексте те *создания*, о которых говорит апостол — это безусловно создания, отличные от людей: *и не только они, но и мы сами отличны от них*; и тогда это означает не освобождение от греха, но освобождение от *грядущей смерти*».³² Но даже храбрый Корнелий в конце концов пугается общего сопротивления и решает, что термином «создания» св. Павел мог обозначать — как утверждают св. Амвросий, св. Илларион и другие — *элементы* (!), то есть солнце, луну, звезды, землю, и т. д., и т. п.

К сожалению для святых мыслителей и схоластиков, и к счастью для животных, — если вообще бывает польза от полемики, — их взгляды были опровергнуты еще более великим мыслителем, чем они сами. Это — св. Иоанн Хризостом, упоминавшийся выше, которого, по утверждению епископа Прокла, бывшего его секретарем, особенно высоко почитает римско-католическая церковь. На самом деле, св. Иоанн Хризостом был «медиумом», если такое светское в наши дни слово можно употребить в отношении святого, апостола «для язычников». В отношении своих комментариев к посланиям св. Павла, св. Иоанн ведет себя так, как если бы он был непосредственно вдохновлен самим апостолом, другими словами, как если бы он написал свои комментарии под диктовку св. Павла. Вот что мы читаем в этих комментариях к 3-ей главе Послания к Римлянам.

«Мы должны постоянно страдать из-за промедления в нашем исходе (смерти); ибо, как сказал апостол, если существо, лишенное разума (*mente*, а не *anima*, то есть «души») и речи (*nam si hoc creatura mente et verbo carens*), страдает и ожидает, тем больше стыд для нас, если мы не делаем так».³³

К сожалению, мы так и поступаем, и ведем себя исключительно бесславно в этом желании исхода в неизвестные земли. Если бы люди изучали древние тексты всех народов и толковали бы их значение в свете эзотерической философии, то не осталось бы того, кому

бы не удалось стать безразличным по отношению к смерти, если не перестать вообще бояться ее. Тогда мы нашли бы более полезный способ использования времени, которое мы проводим на этой земле, спокойно подготавливая себя к будущему рождению путем накопления доброй кармы. Но человек является софистом по своей природе. И даже после знакомства с мнением св. Иоанна Хризостома — человека, который ставит вопрос о бессмертной душе животных, или мог бы, во всяком случае, поставить его в сознании каждого христианина, — мы опасаемся, что бедные бессловесные животные не много выиграют благодаря этому уроку. Действительно, изощренный казуист, осужденный своими собственными словами, может сказать нам, что какова бы ни была природа души у животного, он все же совершает благо и делает похвальный поступок, убивая бедное животное, поскольку таким образом он кладет конец его «страданиям о промедлении с исходом» в вечную славу.

Автор не настолько прост, чтобы воображать, будто весь Британский музей, заполненный трактатами, направленными против мясной диеты, мог бы хотя бы в малейшей степени остановить цивилизованные нации от того, чтобы они культивировали бойни, или заставить их отказаться от своего бифштекса и рождественского гуся. Но если эти скромные строки позволили бы кому-либо из читателей осознать истинное значение благородных слов св. Павла, и таким образом всерьез обратить свои мысли ко всем ужасам вивисекции, тогда автор получил бы удовлетворение. Ибо поистине, когда мир убедится (и невозможно избежать того, чтобы однажды он не пришел к такому убеждению) в том, что животные — такие же вечные существа, как и мы сами, тогда возникнет волна проклятий и угроз со стороны общества, против вивисекции и других мучений, ежедневно совершаемых над бедными животными, и это заставит все правительства положить конец этой варварской и постыдной практике.

«Теософист», январь, февраль и март 1886 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «De la Resurrection et du Miracle» Э. де Мирвиль.

2 Там же.

3 Сравните, также, переводы этих же стихов в Вульгате и текстах Лютера и де Ветте.

4 *Commen. Apocal.*, гл. V, 137.

5 Было бы справедливым отметить здесь, что де Мирвиль был первым, кто признал ошибку церкви в этом вопросе, и кто защищал жизнь животных, насколько он на это осмеливался.

6 «De Beatificatione, etc» папы Бенедикта XIV.

7 Составитель жизнеописаний святых. — *Прим. ред.*

8 В схоластической философии слово «форма» применяется к нематериальному принципу, *который оживляет тело.*

9 «De Beautificatione, etc» I, IV, с. XI, Art. 6.

10 Последователи учения Фомы Аквинского.— *Прим. ред.*

11 Цитата из «Философии христианства» кардинала де Вентуры, т. II, стр. 386. См. также «Воскрешение животных» де Мирвиля.

12 «Summa» — издание Дрио в 8-ми томах.

13 Считается, что св. Патрик христианизировал «наиболее сатанинскую страну земного шара — Ирландию, невежественную *во всем, кроме магии*», превратив ее в «остров святых», посредством воскрешения «шестидесяти человек, умерших задолго до того». «Suscitavit sexaginta mortuos» (*Lectio* I, ii из «Roman Breviary», 1520). В рукописи, представляющей из себя знаменитую исповедь этого святого, сохранившейся в кафедральном соборе в Солсбери (*Descript. Hibern.* I, ii, с. 1), св. Патрик пишет: «Мне, последнему из людей, величайшему грешнику, Бог, тем не менее, дал дар совершать чудеса, какой не был дан даже величайшим из наших апостолов, так как Он (Бог) допустил, чтобы среди прочего (такого, как воскрешение животных) я мог *воскрешать мертвые тела, превращенные в золу много лет назад*, для того, чтобы преодолеть магическую практику этого варварского народа». Поистине, перед таким чудом воскрешение Лазаря кажется незначительным событием.

14 Совсем недавно д-р Романес и д-р Батлер прекрасно осветили этот вопрос.

15 «Biographie Universelle». Статья, написанная Кювье о жизни Бюффона.

16 «Discours sur la nature des Animaux».

17 «Esprits», 2m. mem., Ch. XII, *Cosmolatrie*.

18 Там же.

19 «Esprits», стр. 158.

20 «Longevity», стр. 49 и 52.

21 «Воскрешения», с. 621.

22 Окультисты называют это «трансформацией» в течение последовательных жизней, а конечный этап — *нирваническим воскрешением*.

23 Лейбниц, «Opera philos., etc.».

24 См. том XXIX «Библиотеки наук», 1-й квартал 1768 г.

25 Образовано от двух греческих слов: *genesis* — происхождение и *palin* — опять.

26 См. том II «Палингенезиса», а также «Воскрешения» де Мирвиля.

27 Мы также верим в «будущие состояния» для животного, от самого высокоорганизованного до *инфузории*, но путем серии перерождений, причем каждое последующее — в более высокой форме, вплоть до человека, а затем — выше человека, — короче говоря, мы верим в *эволюцию* в самом полном значении этого слова.

28 См. «Изиду», том I.

29 То, что на самом деле подразумевалось под «сынами Бога» в древности, сейчас полностью раскрывается в 1-й части «Тайной Доктрины», в разделе «Архаический период».

30 Эта версия настолько же ортодоксально индуистская, сколь и эзотерическая. В своей лекции в Бангалоре «Что такое индуистская религия» Деван Бахадур Рагхунат Рао, из Мадраса, говорит: «В конце каждой манвантары происходит уничтожение мира, но один воин, семь риши и семена избегают разрушения. Им Бог (или Брахм) сообщает основной Закон, или Веды ... как только начинается манвантара, эти законы оглашаются и становятся обязательными ... до конца этой *манвантары*. Эти восемь называются *сиштами*, или *останками*, поскольку только они остаются после разрушения всего остального. Их действие и наставление известно поэтому как «*Сиштакар*». Они обозначаются также «*Садакхар*», поскольку такие действия и наставления — это единственное, что существует всегда».

Такова ортодоксальная версия. Тайная говорит о семи посвященных, достигших состояния дхьян чоханов к концу седьмой расы, которые остаются на земле во время ее «обскурации», вместе с зародышами всех минералов, растений и животных, которые не имели времени для того, чтобы эволюционировать в человека в предыдущий мировой период. См. «Эзотерический буддизм» А. П. Синнетта, 5-е издание, аннотации, стр. 146, 147.

31 «...ingemiscit et parturit usque adhuc» в оригинальном латинском переводе.

32 Корнелий, I. IX, стр. 114.

33 «Homelie» XIV, «О Послании к Римлянам».
